

АВАРИЯ

Маленького кучерявого Артака с загорелым лицом прозвали в школе негром. Как известно, дети зря не дают прозвищ. А если уж дали кому-то прозвище, то непременно попадают в точку. Дело в том, что Артак очень любил кататься на лыжах. А так как в его родном поселке Егвард редко когда бывал снег, ему приходилось добираться до склонов горы Ара-лер. Зимой там всегда лежит снег. Со склонов Ара-лера хорошо видны белые вершины двуглавого Арарата и четырехглавого Арагаца — прямо как на ладони, особенно в солнечный день. Артак все время удивлялся: чем выше взбирается он по склону Ара-лера, тем холоднее становится, хотя солнце жжет лицо. А поскольку он чуть ли не каждый день катался на лыжах, то загар не сходил с его лица. Вот потому и прозвали его негром. Артак даже гордился прозвищем. Он знал, что прозвище это связано с его увлечением лыжами, а лыжи он очень любил. Отец купил ему их, когда он еще ходил в детсад, и с первого же дня покупки принялся учить сына кататься, хотя и сам этого толком не умел. Часто он водил Артака к одинокой горе Ара-лер. Иногда, глядя, как сын уже ловко несется по снегу, отец и сам был не прочь встать на лыжи. Но было как-то неловко: боялся, засмеют односельчане. Мол, серьезный человек, отец сына и четырех дочерей, заслуженный механизатор, и вдруг детская забава — лыжи. И односельчан можно было бы понять. Какие еще лыжи, если зачастую зимой вместо снега одна слякоть! Делом надо заниматься. Артак, конечно, думал совсем иначе. Лыжи — это настоящее дело, не просто мужское, но и мужественное. А он и мужчина, и человек мужественный. В семье часто говорили, что он после отца второй мужчина в доме. Чувство ответственности за четверых сестер, две из которых были старше, а две — младше него, не покидало его.

В ту зиму до самого Нового года в долине не было снега, и Артак каждый день отправлялся на Ара-лер. Там и катался на крохотных площадках.

Днем перед Новым годом, вернувшись домой, он увидел, что вода в кране замерзла... Мать была донельзя опечалена: перед таким праздником столько хлопот, и вдруг нет воды. Мальчик вспомнил, что однажды уже было так. Вода замерзла, и отец долго грел выступавший из земли угол тонкой водопроводной трубы: подложил под этот самый угол паклю, смоченную в солярке, и поджег.

Артак побежал к сараю. Вернулся оттуда с какой-то грязной ветошью в одной руке и банкой с темной жидкостью в другой. Старательно запихал ветошь под изогнутую трубу и чиркнул спичкой. Черная-пречерная копоть поползла наверх, чертя на каменной стене узоры, словно тени от сухой ветки. Артак то и дело открывал и закрывал кран. Часто поглядывал на ворота, все время думая об отце, который решил перед Новым годом съездить в Аштарак к больной сестре. Артаку очень хотелось, чтобы именно сейчас вернулся отец и увидел, как сын выручает дом и особенно мать, которая не на шутку расстроилась из-за воды, вернее, из-за отсутствия воды. Неожиданно открылась дверь веранды. Появилась мать Артака, Аракся.

— Ты что это делаешь, Артак-джан? — спросила она, испуганно глядя на охвативший полстены огонь.

— Ничего, ма. Скоро у тебя будет вода.

— Какая вода, Артак-джан? Ты же дом подпалишь!

— Камень не горит, ма!

— Еще как горит, Артак-джан...

— У тебя будет вода, ма. А камень я уж как-нибудь потушу.

Мать только улыбнулась и вздохнула.

Рядом с ней одновременно показались две маленькие большеглазые девочки с взлохмаченными головами. Они громко смеялись. По всему было видно, что только что носились по комнате, гонялись друг за другом.

Артак строго приказал, чтоб прикрыли дверь, а то напустят в дом дыма. Мать, не скрывая гордости за сына, который совсем взрослым тоном отдавал свои распоряжения, поспешно затолкала в дом все еще возившихся возле нее дочерей и закрыла за собой дверь. Мальчик подошел к крану. Потрогал его рукой. Наклонился, пытаясь заглянуть в черную дыру крана. Сунул в нее палец, повертел им. Открыл до самого конца. Обхватил губами его кончик и стал с силой тянуть в себя воздух. Огонь уже потухал. Артак подумывал было вновь подогреть трубу, благо рядом еще валялась ветошь и грязная банка от солярки, как вдруг показались тонкие струйки пара, словно дым от горя-

шей сигареты. Артак вновь стал тянуть из крана воздух. И тут будто кто с силой отшвырнул мальчика в сторону. Кран с шипением и клекотом выплевывал из себя пар и воду. Скорчившись, мальчик закрыл руками лицо. Затем выпрямился, открыл рот и уже боялся закрыть его, словно держал в нем горячую картофелину.

На шум воды выбежали мать и обе девочки. Они не заметили, как чуть поодаль скривился от боли Артак, и с веселым смехом подставляли под струю ведра и кастрюли, запасались впрок, словно боялись, что труба вновь замерзнет.

Артак, не поворачиваясь лицом к матери и сестрам, направился к сараю. Там он ополоснул рот холодной водой, но ему стало еще больнее. Артак боялся лишь того, что домашние узнают о его беде. А то ведь праздник, который он вернул матери и всему дому, потеряет всякую цену. Подумаешь, ошпарил горло. Пройдет ведь. Главное — перетерпеть. Сколько раз ушибался, ногу даже подворачивал. Уж как тогда болело, а ведь прошло, как проходит плохая погода. И тут пройдет. Ведь до Нового года еще целых двенадцать часов — целая вечность.

Однако боль не утихала, а все усиливалась. И Артак ловил себя на мысли, что явно отличает эту боль от той, что бывала прежде. И дело не только в том, что она не проходит, а нарастает. Тут почему-то начинает одолевать какой-то страх. Вроде и не думаешь об этом самом страхе, а он настойчиво стучится к тебе, еще будто воздуха не хватает. Мальчик еще долго оставался бы в сарае, но тут его позвали: что-то нужно было переставить в комнате. Старших сестер нет, отца нет, так что матери никак нельзя без Артака.

Артак направился к дому с твердым намерением скрыть от матери боль во рту и в горле. Он часто слышал от отца, что ерунда, когда говорят: мол, поплачешь — успокоишься, поделишься бедой — полегчает. Отец говорил: «Боль нужно лишь презирать. Убить ее нужно в себе. Только не демонстрировать». Артак еще и в школу не ходил, когда от отца услышал слово «демонстрировать». Это было, когда он, катаясь на лыжах, подвернул ногу. Ступня у него тогда сильно опухла, боль была нестерпимая. Вот тогда отец и сказал о том, как настоящие мужчины ведут себя, когда чувствуют боль. А она, по выражению отца, всегда сопровождает человека, и именно поэтому человек не должен возиться с ней.

Артак помогал матери переставлять стол, а сам все отворачивался от нее. Он уже не мог даже закрыть рот и боялся, что

мать догадается, в чем дело. И потом, ведь он слишком хорошо знал ее. Она все умеет замечать. От нее трудно что-либо скрыть. Вот и сейчас мать все чаще и все пристальнее поглядывает на искаженное лицо сына. Почувствовав неладное, подошла к мальчику. Тот все еще отворачивал от нее лицо. Потрогала ему лоб.

— Не заболел ли ты, Артак джан? — с тревогой в голосе спросила она.

Артак хотел было что-то сказать, точнее, он хотел ответить «нет», но не получилось. Он лишь проблеял что-то невнятное, как барашек.

— Что с тобой, Артак-джан? — вскрикнула мать. — Что с тобой, сынок? Родненький мой, что с тобой стряслось? — Она прижала сына к груди, заглядывала ему в лицо, в глаза.

Мальчик уже не мог говорить. Он стыдился того, что ему страшно и он никак не может отделаться от этого унижительного для мужчины чувства. С каждым мигом ему все тяжелее становилось дышать. Так было однажды, когда он на ходу ел айву. Кусок застрял в гортани, и он чуть не задохнулся.

Аракся сразу уложила сына в постель. С какой-то суетностью она выскочила на улицу. Сестры молча стояли у кровати и с удивлением смотрели на брата, которого впервые днем видели в постели. Их тревожило, что брат молчит и морщится. И может, угадав их мысли, Артак, превозмогая боль, старался улыбнуться. В ответ девочки тоже радостно заулыбались.

Вскоре вернулась мать. Она привела с собой сельского фельдшера. Прямо с порога бросилась к сыну:

— Ну как ты, Артак-джан, как себя чувствуешь?

Артак молчал. Он лишь глазами пытался дать понять матери, что все хорошо, что не надо так волноваться, тем более при девочках. Фельдшер осмотрел мальчика. Повернул его лицом к свету. Попросил, чтобы шире открыл рот. Помог вновь лечь.

— Как же ты так неосторожно? Разве можно ртом втягивать в себя горячий пар? — укорила Артака мать. Артак с удивлением посмотрел на нее. Он же ей ничего не говорил об этом! Как же это мать так быстро догадалась? Без расспросов, не сомневаясь, что угадала... И фельдшеру сказала так, как было, будто видела все своими глазами.

Гость отвел мать в сторону и тихо сказал: «Нужно доставить в больницу. И вообще нужно вызвать хирурга, а в поселке сегодня дежурит терапевт. И не просто хирург нужен, а... Ну да ладно, этим уж мы сами займемся».

Доктор Илья Бабкенович Азизян вместе с детьми украшал елку. Так он делал каждый год вот уже почти четверть века. Трое детей. Старшие уже учатся в институте, а младший ходит в школу. Ему самому нет и пятидесяти. Елку в семье Азизянов ставили только тридцать первого декабря. Глава семьи всегда повторял: «Если ставить ее раньше, то за день-два привыкнешь к ней и уже не будет самого ощущения праздника». Кроме того, процесс украшения елки приносил в дом особое настроение. Подтрунивали друг над другом, шутили, смеялись. Хозяйка дома, красивая, статная женщина, считала, что вся прелесть Нового года в праздничном торте, который она сейчас печет, а все остальные заняты глупостями. Именно поэтому Лена, так звали жену врача, не занималась елкой.

Когда елка стала приобретать уже настоящий сказочный вид и то и дело слышались восторженные восклицания, раздался телефонный звонок. Кто-то из домочадцев бросил: «Опять начинается!..» Доктор Азизян взял трубку, выслушал и коротко сказал: «Выезжаю»,

- Что там, папа? — спросила дочь, студентка медицинского.
- Мальчик ошпарил горло.
- Где это случилось? — спросила хозяйка дома, вытирая руки о передник.
- В Егварде.
- И ты сейчас поедешь туда?
- Так будет ровно вдвое быстрее, чем ждать, когда за мной приедут.
- Снег на улице.
- Тепло. Тает.
- В городе тает. А там высоко — гололед.
- Доберусь!
- Будем ждать.
- Ждать не надо. Новый год — не день рождения. Его не отложишь. Я и сам постараюсь успеть. Время еще есть...

С улицы Комитаса, где жил Азизян, в Егвард можно ехать или через весь Ереван, или более коротким путем — через ущелье. Азизян всегда с гордостью считал себя неплохим водителем и хорошо знал главный принцип водителей — пусть подлиннее, но лишь бы по хорошей дороге. Дорога через ущелье не из лучших, но на сей раз доктор выбрал именно ее, потому что понимал: в предновогоднюю пору через город проехать будет нелегко. Можно сказать, удлинненный «час пик». Да и светофоров много. Все это отнимет массу времени. А сейчас каж-

дая минута дорога. Мелочь вроде бы — ошпарил рот. Но там нарастает отек. В любое время отек может закрыть дыхательные пути. И тогда конец.

Снег густо падал на ветровое стекло. Вовсю старались юркие «дворники». Несколько раз Азизян на полном ходу пробовал тормоза и убеждался, что дорога не скользкая. «Жигули», врезаясь в снежный воздух, спускались в ущелье. Дальше дорога пойдет наверх. И уже до самого конца подъем. Лена была права: здесь, на высоте, предстоит ехать по плотному слежавшемуся снегу.

На непродолжительном участке до поселка Зовуни дорога, избавленная от серпантина поворотов, идет ровной прямой лентой. Доктор здесь развил изрядную скорость, желая хоть на таких вот отрезках пути выиграть секунды. Перед крутым поворотом он притормозил. Машину резко занесло, и она завертелась, словно танцуя вальс. Водитель видел уже не саму дорогу, а все то, что высвечивалось желтоватым светом фар: сугробы, торчащие камни, мерцающие огни вдали... Завершилось все это страшным ударом и грохотом. Машина врезалась в скалу. В кромешной тьме Азизян поймал себя на спасительной мысли, что ни на секунду не терял сознание. Значит, цел. Одно лишь поражало: он так приклеился грудью к рулю, что казалось, уже не оторваться от него. Вроде и боли никакой не чувствовал. Но вот сидит себе, стиснув руль, не в силах шелохнуться. Все эти мысли занимали его всего лишь одно мгновение. В следующее он с силой оттолкнулся от баранки и тотчас же вскрикнул от режущей боли. Сомнений не было — повреждена грудная клетка. Точнее, грудина и ребра. Многих усилий стоило ему открыть деформированную дверцу и выбраться из машины. Выпрямиться он не мог. Он мог передвигаться только согнувшись. Шел очень медленно. Шел на мерцавшие огни поселка Зовуни. Каких-нибудь двести-триста метров. Но Азизян знал, что на них он потратит уйму времени, если будет ползти как черепаха. Несколько раз пытался было выпрямиться, но ничего не выходило. Значит, имеются множественные переломы ребер, подумал он. И тем не менее надо двигаться побыстрее. Там, где огни — большак. От все возрастающей боли труднее было переставлять ноги по рыхлому снегу. В довершение ко всему прямо в лицо бил колючий ветер со снегом. Здесь, у самой дороги, расположены десятки курдских домов. Потомственные скотоводы. Уже хорошо был виден большак. Мчались машины с зажженными фарами. Последние метры Азизян прополз на четве-

реньках. Дышать становилось все труднее. Каждый вдох усиливал боль.

Когда Азизян добрался до шоссе, он уже почти терял сознание. Машины в основном мчались в сторону Еревана. А ему нужно в обратную. В Егвард. Всего-то каких-нибудь десять километров. Но это целая вечность. Жив ли мальчик? Эта мысль неожиданно пронзила мозг, словно разбудила доктора, привела его в чувство. И он, сделав несколько твердых шагов, встал прямо посередине шоссе. Закачался, но не упал. Он хорошо понимал, что другого выхода нет. Водители, явно спешащие к праздничному столу, в такой крошечной тьме проскочили бы, не заметив одинокого путника. А может, и заметили бы, да вряд ли подобрали. Как-никак село. В нескольких шагах — дома.

Машина затормозила в двух-трех метрах от Азизяна. Остановилась со скрежетом. С визгом. Сразу же высунулся из нее водитель и заорал: «Тебе что, жить надоело?» Азизян, все еще весь скрюченный, подошел к водителю.

— Поверни назад, брат, — едва выдавил из себя доктор.

— Что я там потерял, брат?

— Так надо. Мы же не просто ради приличия назвали друг друга братьями. Там, в Егварде, мальчик умирает. Я — врач.

— Так бы и сказал. — Водитель легковой машины подошел и помог пошатывающемуся доктору: — Ты же сам еле стоишь на ногах, а вроде не пьяный...

— Не теряй времени, брат. Время — враг. Машина сделала лихой разворот на скользкой дороге. Помчалась к Егварду.

— Что все-таки с тобой случилось, доктор?

— Потом. Говорить мне трудно.

— Ты хоть знаешь, где больница?

— Надеюсь, нас встретят.

На большой скорости проехали бензоколонку, проскочили под недавно построенным мостом. Показались две тени.

— Твоя правда, брат, — сказал водитель.

— А что?

— Нас, кажется, встречают.

— Я же сказал.

В больницу Азизяна внесли на руках. В приемном покое от обилия света резало глаза. Доктора посадили на кушетку.

— Ну, ты иди, брат. Спешу, — сказал он водителю.

— Успеется. Еще есть время, — ответил тот.

— Иди, спасибо тебе.

— Да что там, — сказал водитель, помогая присутствующим раздеть Азизяна.

— Тебя хоть как звать? — спросил Азизян, надевая халат, согнувшись в три погибели.

— Андраник.

— Спеши, Андраник.

— Ну, бывайте, — сказал Андраник смущенно, словно был в чем-то виноват, — я пойду. Желаю мальчику...

И он исчез за дверьми.

— Все готово? — спросил доктор, обращаясь сразу к дежурному врачу и медсестре.

— Все готово, Илья Бабкенович, — отозвался дежурный врач, высокорослый здоровяк с массивной боксерской челюстью, — только непонятно, как вы будете оперировать.

— Не скрою, стоять я не могу. Придется поддерживать меня.

— Так и не сказали, что с вами произошло...

— Потом. Время — враг. Мыть руки!

— Мыть уже некогда, доктор, — сказала медсестра, круглолицая женщина лет пятидесяти, — я приготовила спирт.

— Спирт так спирт. Сейчас этот метод уже стали забывать. Спирта, наверное, стало меньше.

— Пьющих стало больше.

Мальчик лежал на операционном столе весь синюшный. Он дышал открытым ртом. Учащенно, с хрипом.

— Очень больно? — спросил Азизян, наклонившись над самым лицом Артака. Его сзади поддерживал дежурный врач.

— Ерунда, — едва шевеля губами, сказал Артак.

— Ишь ты!

— Он у нас такой, Илья Бабкенович, — вставила сестра. — Племянник он мне. Это он не хорохорится. Он такой.

— Начнем, пожалуй...

Когда Азизян, сопровождаемый дежурным врачом и операционной сестрой, вышел в предоперационную, послышался шум в больничном коридоре.

— Что там такое? — спросил доктор.

— Это мать Артака — сестра моя, — сказала операционная сестра.

— Но там дети шумят.

— Одноклассники Артака, — вмешалась в разговор старуха в белом халате и марлевом платке. — Говорят, пришли узнать об Артаке.

В предоперационную вошел широкоплечий мужчина с густыми черными усами и седеющей головой.

— Ну, как там, доктор, сын наш? Артак?

— Все хорошо. Ребенок вне опасности.

— Теперь, доктор, вы мой брат навеки!

Азизян одевался, морщась от боли.

— Но вам же совсем плохо, доктор, — забеспокоился отец Артака, — я вас не отпущу никуда!

— Спасибо, но я поеду. Все назначения сделаны. Не волнуйтесь. Я поеду...

— Илья Бабкенович, — сказал дежурный врач, — я вас не отпущу. Я просто не имею права! В таком виде вам в больницу надо, а не из больницы. Я не имею права...

— Глупости. Все мы хорошо знаем, что ничего опасного у меня нет. Переломы ребер. Великий Коткас с такой травмой не ушел с борцовского ковра. А меня дома ждут.

— У вас же адские боли!

— Ерунда, — улыбаясь, сказал доктор, подражая голосу Артака. Все засмеялись.

— Я сейчас машину достану, — предложил отец Артака.

— Помогите мне встать, — сказал Азизян, — вместе выйдем. Времени мало. Время — враг.

В дверях появилась Аракся. Всхлипывая, она подошла к Азизяну, бросилась на колени и стала целовать ему руки.

— Встаньте. Не смейте! — громко сказал доктор, стараясь выпрямиться. — Встаньте!

— Спасибо вам, доктор, — все еще всхлипывая, сказала Аракся. — Я всю жизнь за вас молиться буду!

В коридоре стояли мальчишки и девчонки. Целый класс. Они молчали. У них были не по-детски серьезные лица. Из палат вышли больные в помятых больничных халатах и пижамах. Доктора вели под руки. Он еле волочил ноги. У выхода стоял человек в длиннополном пальто с шапкой в руке. Он поспешил на помощь Азизяну.

— Андраник?! — негромко сказал доктор, не скрывая своего удивления.

— Поехали, брат. Время — наше.